

Старец Ци использовал отборную сюаньскую бумагу из Сюаньчэна — белоснежную, плотную, мягкую и однородную. Чернильница была из тех самых легендарных дуаньских, с поверхностью нежной, словно нефрит, и пропитанной многолетней влагой туши, отчего, казалось, она до сих пор источала тонкий аромат. Когда начали растирать тушь, она постепенно становилась густой, черной и блестящей. Еще до того, как кисть коснулась листа, по комнате уже разлилось едва уловимое дыхание книжной мудрости.

Наблюдать за тем, как пишет человек, мастерски владеющий кистью, — истинное удовольствие. Старец Ци, не мигая, смотрел на Лу Цяо, и в его глазах с того самого момента, как юноша взял в руки кисть, вспыхнул восторженный блеск, а голова закивала в такт движениям.

Когда Лу Цяо опустил кисть на бумагу, старец безмолвно кивнул, а когда тот начал выводить иероглифы, лицо старика просветлело от глубокого удовлетворения.

— Хорошо, очень хорошо!

В нем действительно скрыт подлинный талант.

Лу Цяо написал четыре иероглифа: «Великая добродетель вмещает всё». Как только работа была закончена, старец Ци отогнал его в сторону и принялся самозабвенно любоваться написанным.

— Почерк сильный, энергичный, исполненный величия. Не ожидал, что в столь юном возрасте ты уже достиг такого мастерства.

Старец Ци искоса взглянул на него:

— Да и амбиции у тебя немалые.

Лу Цяо ответил:

— Иероглифы — это иероглифы, а человек — это человек.

— Не скажи. Похоже, кто-то из тех, о ком говорят: великое мастерство кажется неумелостью.

Лу Цяо лишь ответил выражением лица, которое читалось как: «Говорите что хотите, если я соглашусь — значит, я проиграл».

Старец Ци не стал спорить:

— А стилем сяочжуань писать умеешь?

— Немного умею.

— Ну же, давай, покажи мне.

Лу Цяо вывел изящные иероглифы малого стиля. Сяочжуань в его исполнении был аккуратным, пропорциональным, благородным и элегантным. Этот стиль, в котором предки пытались постичь тайны мироздания, считается венцом каллиграфии, но из-за сложности начертания он не получил широкого распространения. Написав несколько знаков, Лу Цяо почувствовал, что рука немного устала.

Старец Ци уже проникся к нему уважением и не стал придирается, а вместо этого достал свои сокровища, чтобы поделиться ими с юношей. Они заперлись в кабинете, никого не впуская, и, кажется, даже забыли попить воды, пока госпожа Ци не начала с силой колотить в дверь:

— Что вы там устроили, запершись в комнате! Дайте же людям поесть!

Оказалось, что время пролетело незаметно, и уже наступил обед.

Старец Ци осознал свою вину, погладил бороду и пробормотал:

— Хорошо-хорошо, сейчас спускаемся.

В доме было мало людей, и обед состоял из простой домашней еды. Четверо человек расположились за маленьким круглым столом, и стало довольно оживленно.

Обычно старец Ци говорил немного, сохраняя отстраненность, присущую литераторам, но стоило зайти речи о том, что его по-настоящему интересовало, как он превращался в восторженного юнца. За обедом он буквально засыпал Лу Цяо вопросами: где тот учился каллиграфии, у кого, как тренировался, что еще писал... К счастью, Лу Цяо раньше почти не общался с людьми, поэтому мог спокойно рассказывать о своих одиноких тренировках — никто не смог бы проверить, правда это или нет.

После обеда, когда в чайном сервизе госпожи Ци еще заваривался чай, старец снова потянул юношу вверх.

Лу Цяо остановил его:

— Старец Ци, вы умеете играть в го? Давайте сыграем.

Обычно люди старшего поколения, обладающие определенным кругозором, знают толк в настольных играх, и Лу Цяо предположил, что старец — не исключение.

Так и вышло: услышав о го, глаза старика загорелись:

— Ты еще и в го играешь?!

— Немного умею.

— Во что именно? В го или в сянци?

— В обе игры могу.

— Отлично, отлично! Подожди, я сейчас принесу доску.

Пока старец поднимался наверх, Мо Ханьчжоу, прихлебывая чай, с полуулыбкой посмотрел на Лу Цяо.

— А-Цяо действительно умеет всего понемногу.

Лу Цяо захлопал своими большими влажными глазами:

— Ничего не поделаешь, я схватываю все на лету, это не моя вина.

Мо Ханьчжоу тихо рассмеялся:

— Ты прав, А-Цяо.

На самом деле Лу Цяо играл не так уж часто. Для каллиграфии ему никто не был нужен, а для игры требовался достойный соперник, иначе было трудно раскрыть потенциал. Но, как он и сказал, он был умен и быстро учился: в начале партия шла туго, но вскоре он вник в суть и начал играть со старцем Ци на равных.

Найти родственную душу в увлечении — большая редкость, а когда совпадают интересы во всем — и подавно. Лицо старца Ци сияло, он словно помолодел на несколько лет.

Он признал в Лу Цяо близкого друга. Он перестал звать его Сяо Лу или Сяо Цяо, а начал называть Старым Лу, при этом требуя, чтобы Лу Цяо звал его Старым Ци, без всяких там добавлений вроде господин — это было довольно забавно.

Мо Ханьчжоу посидел рядом некоторое время, но понял, что здесь он лишний, к тому же ему постоянно приходилось выходить на телефонные звонки. Старец Ци уже начал на него коситься и в конце концов заявил:

— Ханьчжоу, иди уже домой. Я сам позабочусь о Старом Лу, а вечером велю отправить его обратно.

Он явно не хотел так быстро отпускать Лу Цяо, надеясь продержаться до позднего вечера.

Мо Ханьчжоу понял, что сегодня жена ему не принадлежит, поэтому поднялся и сказал:

— Тогда, А-Цяо, я пойду.

Лу Цяо, поглощенный игрой, не обратил на него внимания и лишь небрежно махнул рукой, бросив рассеянным тоном:

— Пока, муж.

— ...

Мо Ханьчжоу покинул дом Ци с невыразимой тоской на душе.

В тот вечер Лу Цяо вернулся домой только после десяти. Это был первый случай в истории, когда он был где-то снаружи, а Мо Ханьчжоу ждал его дома.

Как бы это сказать... ощущения были довольно... ну, свежие.

Лу Цяо вернулся вприпрыжку, ничуть не уставший, и вовсе не выглядел так, будто скучал по Мо Ханьчжоу весь день. Напротив, он был полон энергии и, едва переступив порог, заявил, что завтра снова пойдет играть со Старым Ци.

Мо Ханьчжоу посмотрел на юношу, прыгающего по комнате, словно маленький кролик, и в глубине его глаз затаилась ревность.

— Вы с ним уже так сблизились? Старый Ци... ты даже по возрасту теперь выше меня в его глазах.

— Ну да, конечно!

Лу Цяо, сияющий после целого дня развлечений, энергично закивал:

— Старый Ци замечательный человек. Он даже подарил мне каллиграфию мастера Гао Чанлэ, это очень ценная вещь.

— О.

Мо Ханьчжоу был не в духе и ответил равнодушно:

— Старец Ци — уважаемый человек в деловых и культурных кругах, дружба с ним принесет только пользу.

— Именно! — Лу Цяо был слишком простодушен и не заметил легкой ревности в его голосе.

Возможно, он даже решил, что Мо Ханьчжоу искренне радуется за него.

Мо Ханьчжоу: «...»

Эх, жена такая наивная, просто беда.

Мо Ханьчжоу переварил свою ревность в одиночестве и успокоился. Лу Цяо снял верхнюю одежду, оставшись в черных боксерах и футболке. Направляясь в ванную, он обернулся и с нескрываемым восторгом добавил:

— Старый Ци сказал, что завтра поведет меня к своим друзьям из Ассоциации каллиграфии. Сказал, что представит меня, чтобы я мог общаться с единомышленниками и развивать свое искусство. Он правда очень добрый!

Мо Ханьчжоу вздохнул.

Если человек может быть таким щедрым к новому знакомому, что тут еще скажешь.

— Хорошо. Если завтра идешь к друзьям, я велю дяде Чжуану подготовить подарки. Нельзя приходить с пустыми руками.

— Угу!

Его А-Цяо собирался взлететь еще выше, а он мог лишь подставить ладони, чтобы тот не ушибся, если вдруг оступится.

Подарки, которые готовил Мо Ханьчжоу, разумеется, не были банальными деньгами или золотом. Сокровищница семьи Мо была полна ценностей, и выбрать пару подлинников известных мастеров не составляло труда. На следующий день дядя Чжуан лично уложил две

картины в футляры, погрузил их в машину и с улыбкой проводил Лу Цяо до дверей.

— Господин не вернется к обеду, а как насчет ужина?

— Не знаю, я заранее сообщу.

— Хорошо, приятного времяпрепровождения.

Надо сказать, старец Ци был человеком порядочным и никогда не скупился на рекомендации для молодых талантов — это была одна из причин, почему его так уважали.

Вчера, во время перерыва в игре, он связался со своим старым другом и рассказал, что встретил необычайно интересного юношу: тот и пишет прекрасно, и в го играет, а главное — обладает редким спокойствием, позволяющим старику наслаждаться компанией весь день.

Его друг, с которым они часто пили чай и играли, не возражал против визита нового знакомого.

Когда они прибыли на место, старец Ци предупредил, что это юноша, но его друг был искренне удивлен, увидев Лу Цяо.

— Это и есть тот юноша, о котором ты говорил? И правда совсем молодой!

На самом деле в каллиграфии возраст не имеет значения — талант и усердие не зависят от лет. Просто современные люди слишком увлечены развлечениями, и молодежь часто бывает суетливой. А от суеты портится почерк.

— Не смотри, что он молод, рука у него твердая. Ну же, Сяо Лу, покажи ему свое мастерство!

Лу Цяо понимал, что сейчас представляет лицо старца Ци, поэтому не стал скромничать или робеть. Он уверенно взял кисть и на развернутой бумаге сделал несколько широких, размашистых движений — всего пара штрихов, и в глазах друга старика вспыхнул огонек.

Старец Ци спросил:

— Ну как, у парня есть искра?

— Неплохо, очень даже неплохо.

Он, как и вчера старец Ци, закивал:

— Скорее, скорее, напиши что-нибудь мелким почерком, хочу посмотреть на структуру.

— ...

Лу Цяо набрался терпения и весь день провел с двумя стариками, упражняясь в каллиграфии, попивая чай и играя в го, досрочно окунувшись в жизнь пенсионера.

...

Снаружи ярко светило солнце, день выдался на редкость ясным. Кто-то вошел в офис ассоциации:

— О, старина Линь, ты чего здесь?

— Сам не знаю, старина Ду позвал, сказал, покажу кое-что интересное.

— Я тоже...

— Что он там делает? Пойдем, глянем.

...

— Сяо Ван, ты тоже здесь?

— Да. Почему в кабинете такой шум? Сегодня какое-то мероприятие?

— Не слышал. Ну да ладно, на улице такой холод, зайдем, попьем чаю.

— ...Старец Чжу, а вы чего?

— Слышал, тут что-то интересное, вот принес свою орхидею...

...

К полудню небольшая конференц-зал был забит людьми. Всем было за сорок, тридцатилетние встречались редко, и лишь Лу Цяо сильно занижал средний возраст присутствующих.

Кто-то рассматривал работы, кто-то пил чай, кто-то играл в шахматы:

— С чего это ты коня сюда поставил?

— Ты такой молодой, а играешь так коварно?

Старик топорщил усы, а Лу Цяо пожимал плечами:

— Неважно, главное — победа.

— ...

— Эй, кто заказал торт? Еще и лимонный.

— Я, я! Скучно с вами, стариками, общаться, даже десерта нет, пришлось самому покупать.

— Торт отличный, дай кусочек. — И мне, и мне!

— ...Эй, не отбирайте мой!

...

В тот вечер Лу Цяо вернулся домой очень поздно.

Всего за два дня Мо Ханьчжоу принял тот факт, что его жена — это уже не просто его жена.

Он подошел, чтобы забрать у Лу Цяо пальто, и спросил:

— Чем А-Цяо занимался сегодня?

Лу Цяо задумался:

— Хм... писал иероглифы, играл в шахматы, ел тарталетки и клубничный торт, потом подыграл группе на барабанах, симпровизировал битбокс, а в конце мы играли в маджонг. О, кстати, господин, вот двести юаней, я выиграл, держи.

Он достал из кармана две красные купюры.

Мо Ханьчжоу: «Чем ты там вообще занимался?!»

—

Всю эту неделю Лу Цяо прожил очень насыщенно. В понедельник, среду и пятницу утром он появлялся в галерее, после обеда пил чай с разными людьми и обсуждал здоровье. Во вторник он был приглашен на встречу жен, а в четверг решил насладиться юностью и остаться дома, чтобы поиграть в видеоигры.

Даже у президента страны неделя была бы не более плотной.

В пятницу вечером он получил приглашение.

Это был день рождения мастера Цзиня из Ассоциации каллиграфии — того самого старого друга, к которому его приводил старец Ци. Хотя дата была не круглой, праздник обещали провести с размахом.

Для Лу Цяо это был не просто банкет, а важный знак признания со стороны Ассоциации каллиграфии Пинчэна.

— Да, кстати, — обернулся Лу Цяо, — они сказали, что можно взять одного члена семьи.

Бедный господин Мо всю жизнь творил добро, не ожидая, что в итоге окажется в статусе члена семьи. Мо Ханьчжоу глубоко вздохнул и сказал:

— Не волнуйся, я обязательно буду.

Все-таки нужно поддержать «члена семьи».

Банкет проходил в местном пятизвездочном отеле. В тот день от гостей не было отбоя, собрался весь цвет культурной элиты Пинчэна.

Мастер Цзинь в традиционном костюме сиял от радости. В молодости он преподавал в Академии искусств, и среди гостей было немало его бывших учеников — он гордился ими не меньше, чем своими достижениями.

Мо Ханьчжоу подошел с подарком. Среди местной знати он выделялся своей статью и был легко узнаваем. Обычно он не участвовал в подобных мероприятиях, поэтому его появление вызвало немалый шум.

Мастер Цзинь радостно поспешил навстречу:

— Господин Мо, как вы здесь оказались! Добро пожаловать!

Мо Ханьчжоу в безупречном костюме выглядел благородно и невозмутимо. Передав подарок

помощнику мастера, он улыбнулся:

— В день рождения мастера Цзиня я просто обязан был прийти. Тем более, что мастер так заботится о моем А-Цяо, я не мог остаться в стороне.

Мастер Цзинь моргнул и посмотрел на стоявшего рядом с ним послушного Лу Цяо.

— А кем Сяо Лу приходится господину Мо? Я никогда об этом не слышал.

Мо Ханьчжоу моргнул, Лу Цяо моргнул, подоспевший старец Ци тоже моргнул.

Постойте, кажется, они забыли сказать...

В наступившей тишине Лу Цяо молча сделал шаг вперед:

— Ханьчжоу — мой муж.

Мастер Цзинь: «...»

Его лицо прояснилось:

— Вот оно что!

Ну, погоди у меня, непутевый старик Ци, потом я с тобой разберусь!

— Ха-ха, Сяо Лу — наш самый молодой член ассоциации, господин Мо, не волнуйтесь, я никому не дам его в обиду.

Мастер Цзинь ловко сгладил ситуацию. Гостей становилось все больше, и мастер поднялся на сцену:

— Спасибо всем, что нашли время прийти. У меня нет строгих правил, ешьте, пейте, главное — чтобы всем было хорошо.

Если бы это был бизнес-банкет, Мо Ханьчжоу не удалось бы избежать общения, но здесь собрались люди искусства, которые мало знали о нем и не стремились навязываться. Зато Лу Цяо, как восходящая звезда каллиграфии, был окружен вниманием — только он успевал поставить бокал, как его уже звали в другую сторону.

Мо Ханьчжоу с интересом наблюдал за этим, наслаждаясь редким спокойствием и ужином.

Через некоторое время Лу Цяо наконец вырвался и, подбежав к Мо Ханьчжоу, надул щеки:

— Господин, почему вы убежали!

Мо Ханьчжоу склонил голову:

— А, я научился этому у кое-кого.

Лу Цяо: «...»

В этот момент мастер Цзинь, услышав что-то от окружающих, громко рассмеялся. Он поднялся на сцену и радостно объявил:

— Друзья, мой зять нашел подлинник Хуан Тинцзяня после реставрации. Сегодня редкий случай, когда все собрались, давайте вместе полюбуемся.

Хуан Тинцзянь — знаменитый поэт и каллиграф эпохи Сун. Его подлинник стоил сотни миллионов. Помимо ценности, работа обладала невероятной художественной силой, и даже Лу Цяо, в глубине души испытывая профессиональное любопытство, не удержался и подошел ближе.

В этот момент свет в зале внезапно мигнул и погас. Воцарилась полная темнота. По залу пронесся испуганный гул, но, к счастью, все присутствующие были людьми приличными, и никто не закричал.

Мастер Цзинь растерянно заморгал, но быстро пришел в себя и громко сказал:

— Не волнуйтесь, это просто неполадки в сети, скоро все исправят.

Лу Цяо напрягся, его взгляд в темноте стал острым, как у хищника.

Тьма обострила его чувства. Он отчетливо услышал тихий звук шагов. Он стоял рядом с мастером Цзинем, а тот — рядом с футляром, в котором хранилась работа.

Хотя он ничего не видел, он услышал, как человек, державший футляр, шевельнулся!

В мгновение ока Лу Цяо сделал шаг вперед, полагаясь на память и слух, перекрывая путь одному из злоумышленников. Его колено столкнулось с чьей-то ногой. Тот явно не ожидал сопротивления, замер, а затем попытался ловко ускользнуть.

Но разве Лу Цяо позволил бы ему уйти? Он левой рукой ухватил нападавшего за плечо, а

правой — за руку. Пальцы нащупали твердый холодный корпус футляра. Лу Цяо крепко вцепился в него и, помня, где находится стол, с силой ударил по кнопке тревоги.

Динь, динь-динь...

Зал наполнился пронзительным воем сирены. Сотрудники отеля, чинившие электричество, тут же среагировали, и вместе с охраной, освещая путь фонариками, ворвались внутрь.

В тот же миг зажегся свет. С глухим стуком мужчина, обнимавший футляр, врезался в барную стойку. Сверху на него полилось вино, он был одет в форму персонала отеля и выглядел крайне жалко.

— Кто-то крадет картину!

Все сразу стало ясно. Охрана тут же скрутила вора. Мастер Цзинь, перепугавшись за свое сокровище, поспешил вырвать футляр и развернуть свиток.

— Слава богу, с иероглифами все в порядке!

Никто не ожидал, что такое произойдет. Вскоре приехала полиция и увела преступника. Отель принес извинения, пообещав оплатить все расходы и усилить охрану.

Глядя на мастера Цзиня, окруженного людьми, Мо Ханьчжоу моргнул:

— Как тот человек мог так внезапно упасть? А-Цяо, ты стоял ближе всех, ты что-то слышал?

— И правда, почему?

Лу Цяо захлопал глазами, с восторгом ответив:

— Я понял! Среди гостей был скрытый мастер боевых искусств. Он почувствовал, что кто-то хочет украсть картину, и перехватил его!

— Прямо сюжет городского романа о мастерах боевых искусств.

Мо Ханьчжоу с улыбкой ущипнул свою очаровательную жену за щеку:

— Не выдумывай.

Лу Цяо надул губы:

— Ой.

<http://bllate.org/book/19167/1882016>